

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
Серия ВЫПУСК № 7 (1053)
«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ИСЭРТ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья социолога Л. Бызова «Как обновлять элиты?», опубликованная в «Литературной газете» № 3, 22-28 января 2014 г.

Вологда
январь, 2014

Как обновлять элиты?

Если посмотреть на особенности отношений между обществом и властью в России, то бросается в глаза очевидное противоречие. Оно проходит через всю историю страны – власть одновременно и не любят, и не могут без неё жить. То же самое наблюдается обычно и в отношении элит.

Превращения «хороших людей»

Вот проводишь фокус-группы или как-то иначе доверительно общаешься с респондентами – и всегда наговорят о властях такого, что хоть тут же революцию устраивай. При этом те же самые «простые россияне» на выборах всё равно голосуют за «партию власти», ту же «Единую Россию», а избранный парламент с большинством в лице этой партии власти потом костерят на чём свет стоит.

Исключения бывают. И это обычно касается первого лица в государстве. Будь то царь, генсек или Владимир Владимирович. Но и то ровно до тех пор, пока он ведёт себя как твёрдый государь, заступник народа перед лицом бояр (элит – говоря современным языком). В противном случае его ждёт судьба Николая II, Горбачёва, Ельцина, доверие к которым с какого-то момента начинало стремительно падать.

Вот и от Путина, как от любого первого лица, ждут, чтобы он «ококорачивал» элиты, их неумеренные аппетиты, защищал народ от их произвола. Взлёты путинской популярности приходились именно на моменты, когда ему удавалось демонстрировать власть над боярами-олигархами, отправлять в отставку непопулярных министров и губернаторов. За элитами в России всегда нужен глаз да глаз.

Правда, сегодня недовольство элитами, презрение к ним (и одновременно зависимость от них) проявляются в обществе сильнее, чем, наверно, когда-либо. Сам термин стал похож на ругательный. Трудно найти другой период в истории России, когда её «элиты» были бы

заняты исключительно или почти исключительно растаскиванием всего, что плохо лежит. Более того, и кладётся-то всё это чаще «нарочно плохо» – в угоду аппетитам вороватых и безответственных элит зачинаются многие расходные проекты, подчас не особо нужные. Исключения из правила есть, но они не делают погоды.

Моральные качества наших элит низки, но и это не первостепенная причина такого положения дел. В период, когда в конце 80-х и в 90-е годы сохранялась определённая состязательность на выборах, в градоначальники или депутаты удавалось подчас пробиться просто «хорошему человеку», заслужившему уважение земляков прежними реальными заслугами. Но вот, нате вам, вскоре не раз приходилось убеждаться, как честнейшая Марья Ивановна или Василий Петрович (наши проверенные люди) вдруг обрастали дачами и счетами в заграничных банках, а старых знакомых переставали замечать.

В 90-е мы наблюдали, как выдвиженцы ещё советской формации, оказавшиеся волей случая у руля в ранге министров или губернаторов, быстро и напрочь забывали прошлое, превращаясь в барыг, коррупционеров, бюрократических хамов и самодуров. Таковы, что называется, были «правила игры».

Те же, кто не мог или не хотел к ним приспособиться, уходили со сцены, становясь неудачниками.

Общество понимает эти обстоятельства, и поэтому при всём бряужжании достаточно равнодушно, как на само собой разумеющееся, смотрит на разного рода коррупционные связи и «обстоятельства» начальников, так-ва, мол, жизнь. Дескать, если я мэр, вице-

премьер, министр и разруливаю огромные бюджетные потоки, то просто обязан поставить их под личный контроль, посадив на них своих знакомых, друзей или родственников, которые не обманут. Иначе моя власть останется бумажной.

Значит, система портит людей, не так ли? Или всё-таки люди первичны?

Щи для работников

Нынешние элиты сформировались в основном в нулевые. Есть, конечно, и ветераны родом из предшествующего десятилетия, даже из советской эпохи. Но ни по моральным, ни по деловым качествам они не выделяются в рядах «путинской бюрократии». Впрочем, отдадим ей должное. Эта бюрократия, в адрес которой редко услышишь доброе слово, вместе с госкорпорациями и силовиками всё-таки связала страну во что-то похожее на единое целое. При этом заставив служить себе, своим собственным клановым и корпоративным интересам, а не наоборот. Установились какие-то неписанные правила, которые, надо признать, всё-таки лучше абсолютного беспредела 90-х.

Вспоминаю случай, когда один мой знакомый, директор небольшого, но градообразующего завода в Костромской области, хвастался, что расплачивается с работниками горячими щами («ещё я им буду деньги платить!»), а при каждом заезде в Москву проигрывает в казино десятки тысяч долларов.

Сегодня же элиты свой минимум социальной ответственности несут, и государство каким-то образом держат, потому что больше ему пока держаться не за что.

Я полагаю, что за нынешним, в целом печальным, состоянием элит стоят более глубокие причины, это не просто моральный кризис. Ведь элиты, как ни крути, порождает общество, общественный запрос. Именно общество и должно определять критерии, по которым формируются элиты. Если же оно само равнодушно к своему будущему, его мало

волнует прошлое, а живёт оно лишь сегодняшним днём, сиюминутным, то чего же мы хотим от элит? Общество не сумело построить работающую демократическую систему, когда у него был шанс в начале 90-х. Переадресовав «бразды правления» ельцинской власти и прикормленной ею элите, общество сегодня пожинает плоды всего этого.

Вопреки романтизму

Как мне не раз приходилось писать, нынешние бюрократические и олигархические элиты, всевластные госкорпорации – это замещение так и не сложившейся национальной субъектности, которую и должна представлять сформировавшаяся политическая нация. Не можем, не сумели построить нацию, национальное государство? Значит, будем иметь дело с корпоративным государством и его элитами, нравятся нам они или нет. Всё же Газпром – это не компания-однодневка, которая вас завтра оберёт и кинет, это проект, рассчитанный на десятилетия. Но... в масштабах, как говорится, вечности – почти что однодневка. Более отдалённые стратегические задачи в России пока не интересуют никого, в том числе Газпром.

Оттого и сверхважная задача – поиск альтернативы нефтегазовой ренте – в среднесрочной или более отдалённой перспективе не особо кого-то волнует. Пир во время чумы продолжается, и только драматическое развитие событий, которого исключить нельзя, возможно, заставит элиты слегка протрезветь.

Призывы к смене элит, формированию «элит развития», которые часто слышишь от публицистов-романтиков, таких, как Александр Проханов, например, ни к чему не приведут ровно до тех пор, пока в самом обществе не пробудится национальное самосознание. Только долог и непрямо путь в эту сторону.

Всё это не означает, что элиты у нас несменяемы и неподвижны. Нет, они весьма даже активно меняются, они разнообразны и

остроконкурентны. Происходит, во-первых, их естественная смена, идущая параллельно смене поколений в стране. А значит, смена мировоззрений, стилей, типажей. Странно это не видеть. Но вот недавно в одной аналитической статье прочёл, что нынешний политический режим всё больше превращается в геронтократию, как при Брежневле. Не молодеющий лидер, окружённый столь же не молодеющими соратниками и «придворными»...

Однако любой, кто заглядывал в кабинеты правительства, министерств, администрации президента, в какую-то крупную корпорацию или банк, не согласится с подобным. Всюду «погоду делают» (пусть не на уровне первых лиц, а на уровне начальников управлений) «административные мальчики и девочки» в возрасте от 25 до 35 лет. Мы обычно не знаем их по именам – они не любят публичности. Новое поколение российской бюрократии весьма образованно и искусно в придворных интригах, политтехнологиях, аппаратных навыках, IT, безопасном бизнесе. Но ему сильно не хватает жизненного опыта, перспективных идей, самостоятельного взгляда на жизнь и её проблемы – время становления и взросления этого поколения было не лучшим для утверждения в массе современных управленцев и аналитиков подлинных убеждённых личностей.

И тут есть опасность. Если в стране вдруг случится системный кризис, чего нельзя исключить в силу природы «закона политического маятника», понадобятся люди совершенно иного типа. Это надо иметь в виду.

Удержание равновесия

Второй важный момент, о котором нельзя не сказать, состоит в том, что происходит всё более ожесточённая война элит – одни кланы и группировки борются с другими. Четырёхлетняя «тандемократия», запутав прямолинейно выстраивавшуюся вертикаль власти, сильно поспособствовала развязыванию таких войн. Понятно, на кону наиболее лакомые призы – финансовые потоки, связанные с

естественными монополиями, которые пока «держит» предельно узкий круг людей. Но сколько сможет сохраняться нынешнее положение? С одной стороны, соперничество и конкуренция – неплохо, с другой – эти войны могут разнести страну, если дать им волю. А пока, кроме действующего президента, не просматривается фигур, способных удерживать элиты в состоянии холодных войн, которые бы не переросли в горячие. Да и Путину это делать всё труднее.

То, о чём говорилось выше, в основном касается элит, связанных с государственной бюрократией и близким к ней бизнесом. А, собственно, других элит или хотя бы контрэлит практически нет.

Профессиональные «оппозиционеры» в Госдуме также светят отражённым светом Кремля, мало что решая самостоятельно. Либеральные контрэлиты существуют, однако на многое претендовать не могут в силу собственной идеологической изоляции (или самоизоляции) от российского большинства.

Самое печальное – крайнее снижение влияния и самоорганизации элит профессиональных: научных, инженерных, культурных, военных, игравших огромную роль в жизни СССР. Деятели культуры в те времена, по крайней мере многие из них, были властителями дум, примером для подражания, своего рода голосом совести. Ведущие учёные пользовались огромным авторитетом, и не только в сфере узкой специализации.

Сегодня деятели культуры находят себя в том, чтобы развлекать общество, а не просвещать и воспитывать. Что касается учёных, в памяти всплывает картина холодного сентября дня минувшей осени: пожилые, всемирно известные академики стоят под зонтиками с самодельными плакатиками у входа в Совет Федерации. Там голосуется известный закон, а их не то чтобы пригласить в зал, а хотя бы просто вынести им горячего чая никто не помыслил.

А насколько размытыми оказались наши профессиональные сообщества в результате

нашествия туда людей, не имеющих к ним почти никакого отношения, – тому пример массовые разоблачения «Диссергейта»!

Вот и получается, что элиты они или не элиты – не очень понятно. Элита, выходит, это не интеллект или талант, это те, у кого деньги и административная власть.

Отношения нынешних элит с остатками старых профессиональных сообществ весьма не просты. Конфронтация властей с РАН – лишь один самый наглядный пример. Вспомним, что все 90-е годы либеральные реформы шли практически без оглядки на мнение профессионального академического сообщества, настроенного в отношении непродуманности и несистемности процесса реформ в большей или меньшей степени негативно.

Сегодня погода на дворе иная – время экономического авантюризма позади, в моде традиции и консерватизм, а отношение к профессионалам всё то же. Преимущественно они не востребованы. Вроде бы создаются советы из представителей общественности и учёных при министерствах – культуры, образования и науки и других – ну и что? Слышат ли их? Решают ли они что-то? Увы...

Атмосфера конфронтации с профессиональным сообществом в Минобре существует не первое десятилетие, сейчас складывается она, похоже, и в Минкульте. Процессы депрофессионализации можно заметить всюду – и в социологии, и в организации Роскосмоса и оборонки, и в руководстве вузами и музеями. Конечно, известны и обратные примеры, когда команда выдающихся профессионалов, взращённая в академической среде, уходит в исполнительную ветвь власти (и подчас, правда, в ней тонет со всем своим профессионализмом). Но это всё же случается совсем нечасто.

Одним махом

Можно попытаться дать ответы на вопросы из серии «А что делать?». Вот и меня редакция «ЛГ» спрашивает: нужны ли тут по-

трясения и резкие шаги? Или нужна и предпочтительна эволюция? И что менять: сначала идеологию, а под это «набирать» элиту? Или сначала привести новую, более современную и не погрязшую в связях элиту, а она уж сменит идеологию развития и действия?

Следует с пониманием отнестись к тем, кто считает, что нынешние элиты должны быть сменены во что бы то ни стало, нужны резкие шаги и должная политическая воля. Но для этого сегодня нет некоего трудноуловимого общественного состояния, которое можно было бы назвать «драйвом на перемены». В стране две трети населения не хотят перемен, поскольку ещё не забыли «перемены» 90-х годов. И нынешнее состояние общества, в том числе элит, воспринимают как зло, но зло терпимое, привычное, к которому приспособились, в отличие от хаоса и игры без всяких правил. Это состояние не изменилось ни после разговоров о модернизации при Медведеве, ни после Болотной. Скорее, наоборот, разговоры о переменах, ни к чему не ведущие, ещё сильнее дискредитируют саму идею перемен.

Значит, остаётся путь эволюции – медленного усложнения нашей социально-профессиональной структуры и её самоорганизации.

Не очень верится и в то, что проблему сменяемости и качественного обновления элит помогут решить демократические выборы. Не разделяю иллюзий либеральной общественности, что честные, конкурентные выборы – волшебный ключик, который позволит модернизировать общество и власть. Выборы – завершающаяся фаза, так сказать, фаза «на выходе», общества с высоким уровнем самоорганизации и осознанием конкретных целей и интересов. Если этого нет и общество фрагментировано и атомизировано, как у нас, то выборы дадут точно такой же результат, как и их отсутствие. Это то, что называется «сбоку бантик».

На коньке двойной морали

Не могу не сказать об идеологической составляющей. Сегодня это идеология консерватизма, «духовных скреп», традиций. Может быть, она поможет переформатировать элиты, привести на самый верх людей, чтящих национальные, православные традиции, а не свой карман и одни лишь земные утехы?

Я многие годы выступал как сторонник просвещённого консерватизма в качестве столбовой идеологии Российского государства. Но сегодня не слишком радостно от назойливо навязываемых «духовных скреп», от вида и слов тех политиков, кто оседлал этот конёк, от атмосферы фальши, двойной морали, когда одни и те же люди призывают общество к служению и воздержанию, а сами не собираются ни служить, ни воздерживаться. Попытки массового перебега, точнее, идеоло-

гического перекрашивания элит в угоду конъюнктуре, кого сегодня обманут?

Два с небольшим десятилетия назад многие «убеждённые коммунисты» стали перекрашиваться в демократов, не меняя личных человеческих качеств, потом превратились в государственников, а сегодня, в угоду моде, начали почти поголовно креститься. При этом, переживая идеологические мутации, они не забывают ни на миг о собственных карманах, счетах и виллах в Майами и на Лазурном берегу.

Всё это лишний раз показывает, что живая, а не мёртвая идеология, какой бы правильной она ни была на словах, не может родиться из одних только слов. Она из дела рождается. А где они, эти дела?

Леонтий Бызов, социолог